

совыя группировки онъ не могъ: инстинкты барина, психологическія настроенія, глубоко корнями вросшія въ подсознательной жизни человѣческой души—мѣшали ему раздвинуть рамки стараго стильнаго, барскаго уклада въ соотвѣтствіи съ новыми социальными-экономическими отношеніями.

Вотъ почему и въ своемъ романѣ „Война и миръ“ Л. Н. Толстой всюду, во всѣхъ мелочахъ, такъ и въ важномъ отражаетъ міровоззрѣніе *своей* среды.

Перечтите страницы, посвященныя изображенію Сперанскаго. Этотъ громаднаго ума государственный дѣятель въ изображеніи Толстого рисуется намъ надутымъ, нѣсколько пошловатымъ бюрократомъ съ изрядной примѣсью духовнаго мѣшанства. Князь Андрей одно время заинтересовался его работой и самъ принялъ въ ней участіе, но очень быстро разочаровался въ ней. Онъ тоже озабоченно возился съ переводомъ на русскій языкъ статей римскаго и французскаго кодекса, но когда онъ вспомнилъ впослѣдствіи объ этой работѣ, ему стало какъ то совѣстно самого себя. Ему живо представилась деревня Богучарово, мужики, староста Дронъ, и когда онъ приложилъ къ нимъ *права мичъ*... то понялъ, что занимался праздною работой.

И впрямь, какія-туть права лицъ, когда существуютъ инныя права—конюшни и барской милости. Гдѣ тутъ мѣсто идеѣ личнаго достоинства, когда остается ничѣмъ непоколебленной идея наказанія на тѣлѣ. Андрей Болконскій былъ умный и толковый хозяинъ, онъ былъ не злой человѣкъ, ему были присущи нѣкоторыя религіозныя и философскія исканія. Онъ уже *хотѣлъ* уважать людей не *comme le fant*, но возвыситься до полного признанія правъ человѣка и въ рабѣ,—онъ не былъ въ силахъ. Рабъ оставался для него рабомъ, существомъ низшаго сорта. Онъ заботился о рабѣ, какъ умный хозяинъ заботится о скотѣ: и для скота необходимо хорошее теплое стойло, сѣно и коноваль въ случаѣ болѣзни,—точно также въ извѣстныхъ матеріальныхъ удобствахъ нуждались и крестьяне. Для нихъ Андрей Болконскій кое что дѣлаетъ. Въ принципѣ онъ даже за освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, но не во имя сантиментальной любви или народолобія, а изъ классово-эгоистическихъ мотивовъ—въ интересахъ дворянства и его спасенія отъ растлѣвающаго вліянія тунеядства и самоуправства.

Крестьянъ Андрей Болконскій не уважаетъ и не любитъ. Наказаніе на тѣлѣ онъ не считаетъ для нихъ оскорбительнымъ: „*Ежели ихъ бьютъ, сткуютъ, посылаютъ въ Сибирь, говоритъ онъ, то я думаю, что имъ отъ этого нисколько не хуже. Въ Сибири „ведутъ они“ ту-же скотскую жизнь, а рубцы на тѣлѣ заживаютъ, и „онъ также счастливъ“, какъ былъ прежде*“.

Но Андрей Болконскій тронуть и новыми идеями. Онъ не могли не проникнуть въ барскую среду: Гувернеры ино-